

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Т. БАУЭР профессор Университета им. И. Гёте (Франкфурт-на-Майне, Германия)
- Р. С. ГРИНБЕРГ директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- Д. ГЭЛБРЕЙТ профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона при Техасском университете (г. Остин, США), визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
- В. В. ЗЯБРИКОВ доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук
- Г. Ю. КАНАРШ старший научный сотрудник Сектора социальной философии Института философии РАН, кандидат политических наук
- Г. Б. КЛЕЙНЕР заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- А. И. КОТОВ специальный представитель губернатора Санкт-Петербурга по вопросам экономического развития
- Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА руководитель Центра социально-экономических исследований института США и Канады РАН, доктор экономических наук, профессор
- А. И. ЛУЧЕНОК заведующий отделом макроэкономической и финансовой политики Института экономики Национальной академии наук Беларуси, доктор экономических наук, профессор
- А. Д. НЕКИПЕЛОВ директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Т. П. НИКОЛАЕВА профессор кафедры менеджмента и экономики Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор экономических наук
- Э. Э. ПОЛЕТАЕВ руководитель общественного фонда «Мир Евразии»
- Е. С. САДОВАЯ заведующая сектором социальных проблем труда и занятости Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН, кандидат экономических наук, доцент
- Б. К. СУЛТАНОВ директор Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (до октября 2014 г.), доктор исторических наук, доцент
- Г. Ф. ФЕЙГИН профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук
- И. Г. ХАНГЕЛЬДИЕВА заведующая кафедрой прикладной культурологии и социокультурного менеджмента МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор
- Е. Ф. ЧЕБЕРКО профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Уважаемые участники заседания нашей секции. Сегодня для экономистов знаменательный день — создана специальная секция, посвященная главным экономическим проблемам, которая называется «Национальные экономики в контексте глобальных вызовов» и полностью соответствует общей теме Лихачевских чтений этого года. Слово предоставляется Руслану Семеновичу Гринбергу.

Р. С. ГРИНБЕРГ: — Я рад присутствовать сегодня здесь, в Санкт-Петербурге. Вам повезло, что вы живете в таком замечательном городе. Но, может быть, не очень повезло в том смысле, что вы, молодые, живете в такие турбулентные времена. Мне скоро исполнится 70 лет, и, скажу честно, я никогда не испытывал такого чувства неопределенности, которое испытываю сегодня. Это касается политики, экономики, мировоззрений, морали, если хотите, потому что она тоже начинает меняться. Казалось бы, такие незыблемые вещи, как этические устои, Старый и Новый Завет, интерпретируются по-разному. И мы не знаем, какой новый строй возникнет. Так или иначе мы знаем одно, что являемся свидетелями смерти двух великих утопий — утопии коллективного плана и утопии свободного рынка.

Сегодня в мире насчитывается 200 стран. Как заметил один американский философ, мы живем в одной большой деревне. Эти 200 стран — дома в одной большой деревне. У нас почти нет заборов. Осталась, наверное, одна Северная Корея, абсолютно самобытная, а остальные друг с другом взаимодействуют, и это взаимодействие становится очень сложным. Еще этот американец сказал, что мы живем в одной деревне, но дома находятся в разных веках. И это создает большой конфликтный потенциал. Национальное государство устраивается в этом мире, чтобы по возможности быть не объектом, а субъектом процесса. Тем более сегодня, когда, как мы видим, вернулась в самом своем отвратительном виде геополитика. Когда 30 лет назад Горбачев пришел к власти, мы все жили в ожидании перемен, а начался процесс разрушения. Все считали, что наступил вечный мир, как когда-то говорил Иммануил Кант. Но получилось совсем по-другому. К сожалению, сегодня политика сильно довлеет над экономикой. И мы знаем, что наш мир становится все более стремительным, все процессы в нем ускоряются. И он нуждается в этой деревне. Если продолжить эту метафору, то любая деревня нуждается в едином сельсовете, потому что нужны определенные правила, консенсус, хотя бы минимальный набор каких-то ценностей, которые все должны разделять. Но этого не происходит.

Теперь несколько слов о России. Когда 30 лет назад начиналась трансформация и происходил переход к какому-то новому строю, одни хотели социализма с человеческим лицом, другие — капитализма с человеческим лицом, а получили, как я лично думаю, капитализм с не очень человеческим лицом. Статистика показывает, что плодами трансформации, свободы и рынка, который мы получили в конце 1980-х годов, пользуются 20 % населения страны. То есть каждый

пятый человек в России, в общем, живет зажиточно. Но это слишком мало, потому что идея заключалась в том, что средний класс, который сформировался в последние годы советской власти, должен был приблизиться к стандартам развитых стран, где впервые в 1950–1970-е годы было создано практически бесклассовое общество, когда 60 % составляет зажиточный средний класс.

В результате победы доктрины правой либеральной философии в начале 1990-х годов мы сделали упор в сторону свободы, но пожертвовали справедливостью. Хочу это подчеркнуть, чтобы вы понимали мою точку зрения на развитие России. В 1917 году страна сделала выбор в сторону справедливости, но пожертвовала свободой, а в 1991-м, наоборот, выбрала свободу, принеся в жертву справедливость. Я очень надеюсь, что маятник каким-то образом вернется в нормальное положение. Экономика страны сегодня находится в плачевном состоянии по сравнению с западными странами, на которые мы хотели или хотим походить и с которыми сейчас находимся не в лучших отношениях. Это действительно очень большая беда — и санкции, и антисанкции, которые становятся все более чувствительными для нашей экономики. Они, безусловно, вредят нашему экономическому развитию и не способствуют выходу из кризиса.

В современной России существуют две школы экономической мысли. Первая — это школа рыночного фундаментализма и правой либеральной философии. И вторая — это школа, я бы сказал, левой либеральной философии, которая придает равную ценность как частной инициативе, так и государственной активности. В результате того, что все-таки побеждает школа правой либеральной философии, мы получили тот капитализм, о котором я говорю, — капитализм асоциальный, без среднего класса, являющегося гарантией более или менее цивилизованного общественного развития. Я бы даже сказал, плутократический капитализм, где богатые слишком богаты, а бедные слишком бедны. Это архаичный капитализм. И наконец, мы получили общество, которое практически лишено политической конкуренции, а для меня как экономиста и многих людей это очень важно, хотя я не хочу вдаваться в политику.

Сегодня в мире есть две великие страны, которые так или иначе будут править бал в XXI веке. Это Соединенные Штаты Америки и Китайская Народная Республика. Они имеют разные ментальность, историю, традиции, культурно-исторические особенности, но они независимо друг от друга пришли к одному выводу, что какая бы умная, эффективная, мудрая политическая власть ни была в данный момент, она должна уйти через два срока. Это происходит и в США, и в Китае. Для нас это неожиданно. Мне как человеку, честно говоря, не очень любящему коммунистическую идеологию, грустно признать, что самые эффективные рыночные реформы проводятся именно под руководством коммунистической партии. Но это другая тема. Я говорю о том, что сегодня независимо от того, как бы мы ни относились к президенту и премьер-министру, мы видим заостренную структуру. Это блокирует

любое изменение экономической политики. И главное здесь, что проблема-то проста. Я знаю, что многие молодые люди говорят о том, что они свободны по духу, но политически индифферентны и пассивны. И я призываю вас всех превратиться из подданных в граждан. Это непросто. Надо изучать программы партий, ходить на партийные собрания, узнавать что-то новое. Меня сильно волнует то, что многие молодые люди говорят: «Нет, мы не пойдем на выборы, за нас уже давно все решили». Я на это отвечаю, что намного легче за вас решить, если вы не будете ходить на выборы.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Следующим выступит Анатолий Иванович Котов.

А. И. КОТОВ: — Я хочу искренне поприветствовать всех участников Лихачевских чтений, которые стали для Санкт-Петербурга традиционными. И для нас это очень важное, знаковое событие, потому что сегодня здесь присутствует большое число ведущих экономистов мира. Это практически заседание выездной секции экономистов Российской академии наук. Мы этим гордимся и полагаем, что вместе мы сумеем найти решение тех проблем, которые осветил в своем выступлении Руслан Семенович Гринберг. Сегодня у нас в стране сложилась проблемная ситуация. Это происходит давно — и на нашей памяти, как более взрослого поколения, и особенно на вашей, молодежи. Вы чувствуете клубок противоречий, которые сегодня характерны для экономического и социального развития нашей страны. И задача таких форумов — выработать подходы, способы, как из этого выходить, как наше будущее сделать более интересным и обнадеживающим. Я могу подтвердить, что проблемы внутреннего развития Российской Федерации возникли не сегодня и не вчера, а начиная с 2010 года, раньше, чем сложилась геополитическая ситуация на Украине. И проблемы касались прежде всего тех институциональных структурных проблем, которые сегодня присущи нашей экономике.

Приведу несколько цифр. Начиная с 2010 года — а это первый год после мирового кризиса, — темпы роста нашего ВВП неуклонно снижались с 4,5 до 0,7 % к 2014-му. Это было поступательное снижение основного интегрального показателя развития нашей экономики. Это говорит о многом. Конечно, проблемы нужно решать теми средствами, которые есть в наличии. Но мы должны четко понимать, что наша экономика сегодня безнадежно отстала и устарела, поэтому ее необходимо реформировать или, как говорит сегодня Всемирный банк, дефальсифицировать. Но, наверное, магистральные задачи в нашей экономике должна решать другая — инновационная — экономика.

Экономика знаний является высшим типом инновационной экономики. И мы должны к ней переходить, а для этого нужно понимать, что это такое, потому что без методологического понимания проблемы, события или явления ничего не получится. Сегодня мы много об этом говорим, более или менее системно занимаемся этой проблемой с 2005 года, когда появились институты развития, новые законы, а также были внесены

изменения в закон «О науке и государственной научно-технической политике». Так что предварительная работа проведена. Тем не менее целенаправленной системной государственной политики в сфере развития инновационной деятельности в России еще нет, поскольку те результаты, которые мы имеем, наглядно это подтверждают.

Далее более конкретно рассмотрим те признаки и показатели, которые характеризуют такую экономику. Но не сегодняшнюю, а ту, которая должна быть рано или поздно построена. Лучше рано, потому что иного выбора для развития у Российской Федерации, на мой взгляд, нет. И текущий момент как раз это доказывает. Сегодня много говорят о глобальных вызовах. Их несколько, и они всем хорошо известны, но сегодня это усугубляется текущей социально-экономической ситуацией в стране, которая действительно неблагоприятна. Но, изменив структуру экономики, направив ее по другому пути, мы, безусловно, можем рассчитывать на успех в будущем и нашей экономики, и страны в целом. Мне кажется, что у нас есть для этого все необходимые возможности.

Понятно, что в инновационной экономике перво-степенная роль отводится инновациям и их внедрению. При этом инновационная деятельность предполагает освоение, создание новых видов конкурентоспособной продукции и глобальное усвоение мировых рынков. Это, в свою очередь, требует масштабного реформирования общественной экономической жизни и формирования экономики знаний. Отличительной чертой такой экономики является приоритетное развитие науки, образования и здравоохранения, а также высокотехнологичных и наукоемких секторов промышленности и сферы услуг. Надо отдать должное, что за последние годы в России предприняты существенные усилия по созданию условий для перехода на инновационный путь развития и построения экономики знаний. Значительное внимание было уделено разработке и функционированию систем разных показателей. Стратегические сборники, отчеты самых разных организаций наглядно свидетельствуют об этом. Вместе с тем они не дают достаточного представления о том, насколько наша экономика является инновационной и зависит от знаний.

В связи с этим я постарался привести наиболее характерные признаки, которые можно соотнести с этой экономикой: 1) экономическая свобода; 2) глобальная конкурентоспособность; 3) эффективно функционирующая инновационная система; 4) высокая активность участников инновационной деятельности; 5) решающая роль и значение человеческого потенциала (это очень важно, потому что человек является главным субъектом такой экономики); 6) преобладание в структуре экономики производства продукции и услуг инновационного характера; 7) широкое использование в экономике информационно-коммуникационных технологий (сегодня это у нас достаточно неплохо решается); 8) высокий уровень инновационного развития; 9) низкий уровень распространения коррупции.

Экономическая свобода характеризуется как отсутствие правительственного вмешательства или воспре-

пятствования производству, распределению, употреблению товаров и услуг за исключением необходимой гражданам защиты и поддержки свободы как таковой. Экономическая свобода — очень важный аспект. Можно отметить, что Россия в рейтинге занимает 143-е место из 178 и находится в 4-й группе стран с преимущественно свободной экономикой. Это очень важный фактор, который нужно учитывать в системе наших производственных экономических отношений.

Глобальная конкурентоспособность. По этому показателю мы поднимаемся на более высокий уровень, но пока медленно. Глобальная конкурентоспособность определяется Всемирным экономическим форумом как способность страны обеспечивать стабильные темпы экономического роста своим институтам. И здесь мы занимаем 53-е место из 144. О том, что есть некие тенденции к изменению ситуации, свидетельствует следующий признак — решающая роль и значение человека. Думаю, в последнее время все обратили внимание на подходы государства к вопросам образования, здравоохранения и вообще развития человека. Это иллюстрируют данные, которые опубликовал ряд средств массовой информации: Россия по развитию человеческого капитала заняла 26-е место (ранее в этом рейтинге мы занимали 51-е место). При этом образовательная система Российской Федерации была признана одной из лучших, но с особыми оговорками, где сказано, что в России существующая система обеспечивает широкий доступ к образованию, с одной стороны, но с другой — качество этого образования сегодня остается все еще низким.

Я бы хотел отметить еще один важный аспект, характеризующий экономику знаний, — это инновационная активность организаций. По данным статистики, за 2012 год указанный показатель для России составляет 10,3 %. В то же время аналогичный показатель для Германии — 70 %, для Канады — 65 %, для стран Восточной Европы — в пределах 20–40 %. Есть куда двигаться. Следующий не менее важный фактор — преобладание в структуре экономики производства продукции и услуг инновационного характера, основанного на знаниях. Здесь, по данным Минэкономразвития России, доля более высокотехнологичного сектора производства и сектора экономики знаний составляет в структуре валового внутреннего продукта 12 %. Доля валовой добавленной стоимости в ВВП США, ЕС и Японии составляет более 40 %. Также есть куда двигаться. Этот показатель говорит о том, что с 2005 года мы проводим достаточно активную инновационную политику, хотя, возможно, и не столь эффективную, потому что он заметно не меняется. Поэтому одна из задач — формирование такой политики, которая оценивала бы, насколько те ресурсы, которые мы вкладываем в развитие инновационной деятельности, правильно и эффективно используются.

Еще один очень важный для нас показатель, который характеризует экономику знаний, — это низкий уровень распространения коррупции. Конечно, не все отрасли могут этим похвастаться, и независимые опросы об этом свидетельствуют. Мы находимся далеко не на лучших позициях и являемся не лучшими участ-

никами этого процесса. Например, Сингапур за небольшой промежуток времени прошел колоссальный путь и в рейтинге по показателю отсутствия коррумпированности входит в десятку стран-лидеров.

Анализ способностей и особенностей экономики знаний и характеризующих их показателей позволяет сделать вывод о том, что отечественная экономика пока не соответствует этим требованиям. Необходимо введение серьезного комплекса мер по переходу на инновационный путь развития. И кстати, сама экономика знаний как некая оценка ситуации в той или иной стране тоже измеряется. И здесь мы находимся на 55-м месте из 146, уступая целому ряду западноевропейских стран, США, Японии и некоторым другим. Поэтому, полагаю, совместное стремление, понимание и осознание того, что это необходимо делать, — может быть, единственный путь изменения нашей жизни, что обеспечит нам решение этих проблем и достижение в дальнейшем высоких результатов. Я, во всяком случае, в это верю.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Сейчас к участникам нашей секции от имени Оргкомитета обратится Александр Сергеевич Запесоцкий.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги! От имени Оргкомитета хочу поблагодарить всех за участие и пожелать успехов в работе. Я бы хотел сказать об общем методологическом подходе, которым мы руководствовались при обсуждении роли и значения дискуссии по экономике. Мне представляется, и эта тема на Чтениях нами уже неоднократно поднималась, что очень важно переосмыслить роль экономики в нашей жизни. После завершения торжества марксизма в нашей стране прошло 25 лет, а мы так и не заметили положительных перемен в экономике. Наверное, мы невнимательно читали Маркса. Во всем мире «Капитал» за последние 2–3 года был переиздан общим тиражом более миллиона экземпляров, а у нас Маркса практически перестали изучать, даже в советское время его читали, на мой взгляд, недостаточно внимательно, в частности положение о базисе и надстройке. Представление об экономике только как о базисе несколько однобоко. Оно и Марксу не было присуще, а тем более многим другим выдающимся личностям, чьи воззрения лежат в основе новых экономических теорий. Тем не менее именно вульгаризированное представление Маркса об экономике стало основой постсоветского развития экономической системы в России.

Те, кто руководит нашей экономикой, всерьез считают, что она определяет все остальные отрасли в стране, что Министерство экономического развития самое главное и оно должно определять все, что происходит. В то же время игнорируются реальные связи экономики со всей остальной культурой. А экономика, как мы убеждены, является не изолированным от культуры явлением и не фундаментом построения культурной жизни, а одной из частей огромной макросистемы, относительно автономной и обособленной. Я бы даже взялся утверждать, что экономика — не просто

часть культуры, она зависит от духовной культуры, может быть, даже больше, чем духовная культура зависит от экономики. Сколько бы директора музеев ни просили денег на содержание, а Академия наук — на пожарную систему в книгохранилище, игнорирование невероятно мощного влияния культуры на реальную экономическую жизнь приводит к колоссальным ошибкам и деформации. Например, философы нам говорят, что всякие существенные преобразования экономики как минимум должны сопровождаться решительными преобразованиями культуры, а может быть, и преобразования культуры должны опережать развитие экономики. В этом смысле идеи таких наших «выдающихся» теоретиков, как Герман Греф, Анатолий Чубайс и другие, о том, что мы сначала укрепим экономический потенциал, а потом займемся проблемами культуры, являются основой сегодняшней неэффективности российской экономической системы.

Более того, мы удивительным образом видим продолжение этих ошибок в деятельности наших коллег Кузьминова и Ясина из Высшей школы экономики. Несколько лет назад они провели потрясающую конференцию, за огромные деньги пригласили зарубежных коллег, которые наверняка лучше знают экономику России. Конференцию назвали «Культура имеет значение». Казалось бы, можно порадоваться такой постановке вопроса, но все мы прекрасно знаем, откуда взялась эта фраза (тезис из сексологии «Размер имеет значение»). Думаю, вы понимаете, с чем в один ряд ставится культура. Такое сопоставление вряд ли правомерно.

Несколько западных профессоров, приехавших за десятки тысяч долларов нам объяснить, как надо жить, рассказывали, что вообще-то все реформы в России совершенно блестящи, блистательны. Только одна проблема: культура нашей страны недостаточно высока для этих реформ. Понимаете, наше население для них не подходит. Если к нам завезти население из некоторых других, более развитых стран, то эти реформы прошли бы великолепно. Просто надо убрать наше население, и все станет хорошо, либо дать ему возможность подметать улицы в благодарность за неплохую зарплату. На мой взгляд, мы должны очень серьезно исследовать возможности развития экономики в комплексе социально-экономического развития и разумно взвешивать различные факторы. Например, западные корпорации хорошо поняли, что лучшие менеджеры, окончившие Гарвард, не могут успешно работать в России, если до этого не соприкасались с нашей культурой и не понимают нашего менталитета.

Те же проблемы существуют во всем глобальном мире. Тем более что сейчас одновременно с глобализацией происходит регионализация. Колоссальным образом усиливается религиозный фактор, который на очень многие аспекты развития экономики накладывает серьезнейший отпечаток. И нам, конечно, все это надо учитывать при проведении наших исследований, иначе может оказаться, что мы не знаем, что исследуем и подсчитываем. Мы не знаем реального смысла нашей статистики и не понимаем, почему вроде бы правильные рецепты трансформации экономики и решения актуальных задач, работающие в других странах,

в нашей стране не дают положительного результата. Надеюсь, ваша дискуссия продолжит, так сказать, развивать, углублять наше понимание развития экономики и в рамках России, и в контексте глобальных процессов. Здесь собрались светлые умы российской экономической науки, которых мы благодарим за участие и от которых ждем новых результатов.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Спасибо, Александр Сергеевич. В Вашем обращении были подняты вопросы по существу. В связи с этим я хотел бы сказать несколько слов. И Руслан Семенович Гринберг в своем выступлении, и Александр Сергеевич сейчас затронули вопросы той дискуссии, которая ведется в последние годы и касается радикальных реформ в России. С начала 1990-х годов эти дискуссии носили не только внутренний, но и международный характер. Хочу отметить, что в 1994 году по инициативе американской стороны была создана Группа экономических преобразований. С американской стороны в нее входило очень много выдающихся деятелей, в том числе пять нобелевских лауреатов по экономике. Среди участников был знаменитый Джон Кеннет Гэлбрейт, отец нашего следующего выступающего. С российской стороны в группу входили в основном ведущие ученые — экономисты и не только, члены Российской академии наук и др. Такое международное сотрудничество было бы полезно и сегодня. Слово предоставляется Джеймсу Гэлбрейту.

Д. ГЭЛБРЕЙТ: — Прежде всего я хотел бы сказать несколько слов в ответ на выступление ректора Запесоцкого. Он отсылает нас к произведениям Маркса, несмотря на то что прошло уже много лет с момента их написания. Я являюсь не единственным профессором в Техасском университете, который рекомендует читать Маркса своим студентам. Но нас не так уж много. Думаю, не столь известным является тот факт, что в 1860-х годах Карл Маркс рассматривал возможность иммиграции из Германии в Техас, где собралось большое количество людей с такой же социальной ориентацией. Можно предположить, какой была бы мировая политико-экономическая история, если рассмотреть ее в контексте этого возможного решения.

Несколько лет тому назад мы пережили то, что в развитых странах называется глобальным экономическим кризисом. И этот кризис вызвал к жизни определенный вид мышления среди экономистов, который можно назвать бедностью и истощенностью экономической мысли. Это также подразумевает некое равновесие, некий баланс мировой экономики. И ответом на эту ситуацию в Соединенных Штатах было то, что экономисты хотели вернуться к докризисному благосостоянию, но этого не случилось. И возник вопрос: почему мы не смогли улучшить ситуацию как экономисты?

Я предположил, что существуют четыре фактора, которые нужно рассмотреть и проанализировать. Первый фактор — это стоимость ресурсов. Она в течение десятилетий, которые предшествовали кризису, была выше рыночной. И на самом деле это подняло уровень

налогов до выгодного. Второй фактор — это то, что мы теперь живем в мире, который гораздо менее безопасен с точки зрения возможного вооруженного конфликта в будущем. Я имею в виду, что стабильность холодной войны может быть заменена стабильностью другого рода, которую сейчас продвигает правительство Соединенных Штатов. Третий фактор — это рыночные изменения в направлении технологического развития, и в частности — к цифровому миру. В основном экономисты рассматривают это как улучшение стандарта жизни. Но те из нас, кто читал Маркса, знают, что это также ведет к уменьшению стоимости ресурсов и труда. При этом имеется в виду, что в начале кризиса было больше рабочих мест, чем в конце. И четвертый фактор — это качество различных институтов, в частности финансовых, которые во многих странах, в том числе в США, были в известной степени криминализованы. Во многих странах это описывается другими словами — «коррупция» или «финансовое нарушение».

Проблема заключается в том, что эти факторы отсутствовали в большинстве экономических моделей. И на сегодняшний момент нет подходов, которые давали бы возможность проанализировать или осмыслить их. Поэтому сейчас задача, которая стоит перед экономикой, экономистами, — осмыслить это разумно. Понимая при этом, что влияние этих факторов в разных странах будет различным, в зависимости от того, являются ли они производителями или потребителями чего-либо, например ресурсов; принимают ли они новые технологии, адаптируют ли их очень быстро или с задержкой; есть ли у них организации, которые защищают трудовую занятость населения; интегрированы ли они в глобальную мировую финансовую систему, которая борется с криминализацией и финансовыми нарушениями.

В Европейский Союз входят страны-потребители, высокоразвитые технологически и с хорошо развитыми финансовыми институтами. Что происходит в Европе? Архитектура экономики была введена в действие в период развития либерализма. Она возникла во время новой экономической системы и стала преобладать в ней. И части этой структуры включали очень строгие монетарные правила, которые превалировали, а также строгие правила, касающиеся фискальной системы, задолженности государства. Практически отсутствовали так называемые программы социальной солидарности. Таким образом, возникло противоречие между странами, которые создавали так называемый избыток или излишек, имеется в виду Германия, и странами, которые имели дефицит. Этот дисбаланс финансировался. Все это привело к тому, что страны Европейского Союза превратились в систему для решения экономических проблем, которые не могли быть разрешены в принципе. Это было финансовым шоком. В ответ Европейский Союз установил очень строгие правила в отношении стран, которые переживали кризис. Это было очень хорошим тестом эффективности данной политики. И этот тест был исключительно жестким по отношению к Греции — стране, в которой уровень безработицы превысил 25 %, а среди молодежи — 15 %.

По сути дела, эта ситуация была очень схожа с той, что возникла в Советском Союзе перед распадом. Одним из интересных явлений было то, что греческое население начало критиковать европейскую политику, что привело к переизбранию правительства в январе. И фактически это было восстание или протест разумной экономической доктрины или разумного экономического подхода по отношению к неразумному. Это тест на проверку адаптивности, гибкости и рационализма, который европейская система не может пройти. Я обращаю ваше внимание на отношение к определенным экономическим доктринам как к явлению морального порядка. Потому что все мы боремся за демократические ценности и за применение, использование рациональных принципов при решении экономических проблем. Пример, который я привел, относится к небольшой стране, тем не менее он имеет определенную символическую важность, на что мы должны обратить внимание.

Еще несколько слов о более глобальных проблемах. Я знаю, что в России, в частности на этом форуме, вопрос о взаимоотношениях великих держав всегда был и остается очень важным и актуальным: например, взаимоотношения с Соединенными Штатами, Китаем, Японией, странами Европы. Длительные взаимоотношения тоже могут быть предметом постоянного напряжения. Те из нас, кто работал с друзьями из России начиная с 1990-х годов, знают это. Например, опыт работы моего отца на самом деле еще более длительный — начиная с 1945 года, то есть уже 70 лет. Те из нас, кто наблюдает эти длительные отношения, должны понимать, что напряжение всегда возникает между ответственными элементами или частями системы и безответственными, которые существуют во всех наших странах и подталкивают нас к еще большей ответственности, к тому, чтобы мы продолжали работать вместе. Работать над тем, чтобы безответственные элементы не привели нас к катастрофе, которая может возникнуть вследствие безответственной слепоты.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется Татьяне Петровне Николаевой.

Т. П. НИКОЛАЕВА: — Прежде всего разрешите поблагодарить за приглашение выступить на столь значимом форуме. Я впервые на Лихачевских чтениях и хочу сказать, что за всю свою жизнь такой концентрации академиков, вип-персон, политиков и других светлых умов, как сказал ректор Университета профсоюзов, я ни разу не видела.

В первой части своего выступления хочу прокомментировать некоторые идеи, высказанные вчера и сегодня. Если понимать буквально название и конференцию, и нашей секции, то я согласна с академиком Гринбергом, что такой ситуации неопределенности, в которой сейчас, как мне представляется, находится наша страна, я, наверное, тоже в своей жизни не испытывала. И в этом смысле глобальным вызовом для нашей экономики и для страны в целом я считаю следующее: за последние, пореформенные годы по периметру нашей страны, по крайней мере по за-

падной и южной частям границы, увеличивается количество военных баз. И увеличиваются группировки не самых недружественных, но таких напряженных сил, которые создают некоторую нервозность в развитии и реализации наших внутренних программ, как экономических, так и социальных. И тема моего выступления «Промышленная политика России как основа технологической безопасности» в каком-то смысле с этим связана.

Когда в начале 1990-х годов страна резко отказалась от одного типа экономического развития и перешла на другой, мы столкнулись с таким явлением, с которым в мирное время ни одна страна не сталкивалась. Это явление деиндустриализации экономики. Об этом много писал журнал «Экономист», который из нашей профессиональной литературы в наибольшей степени на это отреагировал. В последние 5–7 лет авторы, публиковавшиеся в этом журнале, ввели новый термин: для России в таких условиях необходима политика неоиндустриализации. Профессор экономического факультета МГУ Сергей Губанов, главный редактор журнала «Экономист», высказал такое мнение: в настоящее время промышленная политика России может быть реализована только путем проведения масштабной неоиндустриализации с помощью вертикальной интеграции. Я не буду расшифровывать эти термины. Они есть в журнале. Просто хочу сказать, что разделяю этот подход.

Еще хотелось бы отметить, что внешние вызовы, о которых вчера говорили некоторые выступающие, и в частности экономические санкции, не были бы такими страшными и опасными для нашей экономики, если бы материально-техническая база страны соответствовала определенным требованиям. Возможно, санкции не ударили бы так сильно, если бы мы сохранили собственную обрабатывающую промышленность. Делая ставку на внешнюю торговлю ресурсами и пренебрегая собственным обрабатывающим сектором, мы пришли к тому, что в настоящее время ни одна отрасль российской экономики и даже бытовая жизнь россиян не могут обойтись без западных товаров. Все мы знаем, что у нас и в быту, и на дорогах, и в жилищно-коммунальном хозяйстве доминирует западная техника. Когда началась Великая Отечественная война, многих отраслей промышленности в Советском Союзе не было, они были созданы с нуля. Одна из таких отраслей — фармацевтическая промышленность. К сожалению, в середине 1990-х годов мы ее почти полностью лишились.

Санкт-Петербург (в советское время Ленинград) — город, в котором обрабатывающая промышленность в той части экономики, которая называется реальным сектором, превышала 60 %. Львиную долю этого сектора составляла обрабатывающая промышленность, и в частности судостроение. В конце 1990-х — начале 2000-х годов судостроение в лице ее двух заводов-гигантов вдруг оказалось не у дел, масштабы производства в физическом исчислении упали на 2/3. В начале 2000-х, уже в период экономического подъема, Санкт-Петербург выиграл конкурс на строительство и поставку военных судов для Индии, доказав свою состо-

тельность тем, что у него была материально-техническая, научно-техническая и кадровая база. Но когда приступили к реализации проектов, вдруг оказалось, что реализовать их некому. За эти годы промышленно-производственный персонал сократился в разы. В этой сфере не стало квалифицированных рабочих, так что выполнять заказы было некому. Что произошло дальше? Часть этой работы была перепоручена Польше и Германии. И если принять за 100 % сумму заказа из Индии, в итоге на нас пришлось, по данным судостроительного завода «Северная верфь», примерно 15–18 %. Это я привела пример того, как, разрушив материально-техническую базу, мы оказались уязвимы по очень многим параметрам.

Для реализации промышленной политики нам нужно делать ставку на собственную обрабатывающую промышленность, потому что никто не поможет нашей стране создать конкурентоспособную экономику, как мы обольщались в начале 2000-х годов. Примерно то же по авиастроению. За короткий период российские авиаперевозчики переклонились с отечественных самолетов на «Эрбас» и «Боинг». Но за 2000-е годы ни одна российская авиакомпания-перевозчик не получила машин новее девяти лет. То есть самолеты, которые мы получили из западных стран, были старые. Зато начиная с первой половины 1990-х годов мы в разы сократили производство собственных гражданских самолетов. На момент распада Советского Союза, примерно в 1992 году, мы производили в общей сложности порядка 150 гражданских самолетов в год. А где-то в 2009-м мы произвели порядка 15–18 гражданских самолетов разного класса. Почувствуйте разницу. На момент распада Союза нам принадлежала треть мирового рынка гражданских самолетов, а сейчас эта отрасль просто сдана.

Хочу подчеркнуть мысль, что в условиях западных санкций, наверное, нет других способов спастись от них или просто сохранить национальную экономику, кроме как идти поступательно вперед и делать ставку на собственную обрабатывающую промышленность, прежде всего на машиностроение. Но для этого, помимо каких-то ресурсных факторов, нужна политическая воля, последовательная промышленная политика. Как ни странно, у нас такая политика ни в 1990-е, ни в 2000-е годы не проводилась. С теоретической точки зрения подчеркну, что отдельные действия исполнительных органов власти по реагированию на вызовы времени не есть последовательная политика. Политика — это прежде всего такие действия государства, которые подкреплены юридически. А это значит — одновременная совокупность действий документов, которые, с одной стороны, придают легитимность действиям хозяйствующих субъектов, а с другой — служат гарантией, некой платформой для уверенности инвесторов, в том числе потенциальных, причем как собственных, так и иностранных. И, кроме того, эта юридическая платформа создает некоторую базу для того, что если сменяются руководители, то предыдущие действия хозяйствующих субъектов не будут признаны неправомерными, нелегитимными или вредными.

Перечислю эти документы. Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» принят 31 декабря 2014 года, а действовать начнет через полгода — с 1 июля 2015-го. Как ни странно, казалось бы, очевидная необходимость, но не было этого закона. Второй документ — Концепция промышленной политики в РФ. Эти акты последовательно связаны: если нет закона, то нельзя принять концепцию; если нет концепции, то не могут работать логические программы. Один важный момент: у нас в сфере промышленного производства в первой половине 2000-х годов действовало порядка 46 федеральных целевых программ. Часть из них локальные, отраслевые, часть — межотраслевые. Более или менее комплексной была программа «Национальная технологическая база Российской Федерации». Она принималась дважды: на 2001–2006 и 2007–2011 годы. Действие программы закончилось, судя по тому, что ухудшается товарная структура российского экспорта и импорта. Из этого можно сделать вывод, что эти программы были не очень успешны.

В заключение отмечу, что на фоне положительного сальдо торговли России товарами у нас отрицательное сальдо по статье «Торговля технологиями», по крайней мере такая ситуация наблюдалась в 2012 году. Это говорит о том, что у нас увеличивается разрыв между абсолютными величинами экспорта и импорта машин и технологий, что говорит не в нашу пользу. Отсюда вывод: результативность промышленной политики не может быть хорошей, благоприятной, достаточной, пока мы не займемся этой рутинной работой. Нужно заниматься своим реальным сектором не эпизодически, не как отдельными действиями, а должна быть разработана долговременная концепция и приняты действия, направление которых не менялось бы в зависимости от смены руководителя того или иного сегмента.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется профессору Тамашу Бауэру.

Т. БАУЭР: — Уважаемые коллеги, я являюсь гражданином Венгрии и долго работал в Германии, поэтому смотрю на все проблемы с этой точки зрения. Тематика нынешней конференции — это взаимоотношения национального интереса с глобальным процессом. Мы здесь остановимся на экономическом аспекте. Это не новая проблематика. Ректор Запесоцкий рекомендовал нам обратиться к Марксу, я так и поступлю. Итак, что об этом сказал Маркс? Он свою теорию прибавочной стоимости, согласно которой при капитализме у одной стороны постоянно увеличивается богатство, а у другой — нищета, перевел на международную арену и сказал, что на одной стороне у развитых индустриальных стран постоянно растет богатство, на другой стороне у колоний — он проанализировал это на примере Индии — нищета. Это противопоставление богатых стран и их бедных колоний имеет количественный аспект: одни обогащаются, а другие всегда более бедные. Оно имеет и качественную характеристику: развитые индустриальные страны — поставщики продукции,

обрабатывающей промышленности, а колонии, полуколонии и даже страны европейской периферии — это поставщики сырья, топлива и сельскохозяйственной продукции. Это мы знаем из экономической истории.

Интересы одних и других стран противоположны. Ответом на такой опыт уже в XIX веке был протекционизм. И самая экстремальная форма протекционизма — социалистическая индустриализация в Советском Союзе и монополия внешней торговли. Тогда предполагалось, что свободная торговля служит интересам богатых, ведущих стран, но выступает против бедных колоний и полуколоний, периферийных стран. Я хочу обратить внимание, что в последнее десятилетие XX и в начале XXI века это положение существенно изменилось. В свое время известный венгерский экономист Бела Балашша указывал на то, что из стран Латинской Америки более успешно развиваются те, которые отказались от протекционизма, а его сторонники являются более слабыми.

Для нас, жителей бывших социалистических стран, особенно важным является опыт трансформаций. Что же показывает опыт стран Центральной и Восточной Европы? Через 20–25 лет трансформаций наши страны — я имею в виду бывшие социалистические страны Центральной и Восточной Европы — открыли свою экономику и хотели присоединиться к Западу. Но результат был не тот, о котором писал Маркс, а именно о приближении. Если большинство этих стран, таких как Польша, Словакия, Прибалтика, в начале трансформации по национальному уровню валового внутреннего продукта на душу населения составляли примерно одну треть среднего по Евросоюзу, то теперь у половины и больше произошло приближение в количественном плане. Еще более интересно то, что в качественном смысле произошло резкое изменение. Если до трансформации во внешней торговле этих стран с Западом преобладали сырье, топливо и сельскохозяйственная продукция, то теперь у них такая же структура внешней торговли, как у самых развитых стран, — и в экспорте, и в импорте преобладает продукция обрабатывающей промышленности.

Еще более потрясающим является тот факт, что самая большая страна реформ — это Китай. Что случилось в Китае? Если ВВП на душу населения Китая в начале трансформации 1980 года составлял 2 % от такого же показателя США, то теперь это 20 %. То есть произошло резкое приближение к уровню развитых стран, а не отставание, как это предполагалось 100 или 200 лет назад. Что касается структуры внешней торговли Китая, если раньше он был экспортером сырья, топлива, сельскохозяйственной и промышленной продукции самого низкого качества, то теперь продукция обрабатывающей промышленности составляет 90 % китайского экспорта, а продукция общего и специального машиностроения — более 45 %¹. Приближение как в количественном, так и в качественном смысле означает: если у Маркса национальные интересы слаборазвитых стран противопоставлялись интересам развитых стран, то в условиях глобализации прослеживается сходство интересов всех стран. Это существенное изменение.

¹ URL: <http://www.vlant-consult.ru/information/board/372>

Чем это объясняется? Во-первых, свободной торговлей и для стран Центральной и Восточной Европы, и для Китая. Еще для Китая и, можно добавить, Вьетнама характерна либерализация внешней торговли. Во-вторых, и страны Центральной и Восточной Европы, и Китай, и Вьетнам взяли курс на импорт капитала. Самым мощным толчком приближения был импорт западного капитала, потому что это импорт самых развитых технологий и знаний. Самый важный — это импорт знаний. Ключом количественного и прежде всего качественного приближения является свобода — свобода торговли, движения капитала.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Следующий докладчик — Людмила Федоровна Лебедева.

Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА: — Уважаемые коллеги, мы, гости, всегда очень благодарны Университету, организаторам за проведение Лихачевских чтений. Но сегодня Александр Сергеевич Запесоцкий, как главный вдохновитель форума, особенно удивил меня как экономиста. Дело в том, что в трех словах, которые он сказал, вспомнив Маркса: «Экономика — это не только базис», заключается очень большой смысл. Он в ближайший период будет занимать очень многие ведущие умы, которые будут работать и думать, как совместить политические, экономические интересы для того, чтобы выработать новые правила игры, о чем в самом начале говорил Руслан Семенович Гринберг. И пока эти новые правила игры не будут выработаны, а процесс это исключительно сложный в политическом, экономическом, философском и культурологическом плане, каждая страна пытается приспособиться к новым вызовам, новым условиям и внешнего, и внутреннего характера, и у каждой страны они свои.

Мы все — не только исследователи, студенты, но и жители России — за прошедший год поняли, как экономика может использоваться в политических целях. Экономические санкции становятся орудием достижения политических целей, но без экономического фундамента, а сегодня еще и без научно-технологического, мечтать о том, что Россия или какая-нибудь другая страна сможет использовать это как орудие для достижения своих целей, в общем-то, бессмысленно. Поэтому сегодня я предлагаю рассмотреть основные моменты, как чувствуют себя Соединенные Штаты Америки и что они делают не во внешней, а во внутренней политике. Внутриэкономическая социальная политика государства является очень значимым фактором формирования той экономической и технологической мощи, о которой мы все говорим. ВВП ведущей страны мира в текущем году превысил 17 трлн долларов, но государственный долг уже больше этого показателя. Это примеры последних лет, начиная с 2013 года. Расходы бюджета достигли самого высокого уровня — 3 трлн 800 млрд долларов, что составляет 21 % американского ВВП. Это значительно меньше, чем относительные показатели по Европе, но американский ВВП сравним с общеевропейским, я имею в виду Европейский Союз.

Выплаты только процентов реально идут в минус, расходы уже достигают 230 млрд долларов. Чтобы вы могли понять и сопоставить, поясню: все расходы на науку в текущем году из федерального бюджета составляют 135 млрд, то есть в перспективе эти выплаты грозят ограничить финансирование других статей бюджета. 70 % федерального бюджета идет сейчас на так называемые человеческие ресурсы. Эти отголоски рузвельтовской эпохи сейчас испытывает американское государство, и хотя социальная направленность считается в Америке более ограниченной, чем в Европе, тем не менее в бюджете это 70 %. И очень многие не только публицисты, но и исследователи говорят, что Америка обязана таким раскладом бэби-бумерам, которые стали выходить на пенсию и в результате «съедают» весь бюджет. Доля правды, безусловно, есть, и проблемы пенсионного обеспечения в Америке стоят так же остро, как перед любой другой страной. Но обратите внимание, пенсии — это четверть расходов федерального бюджета, здравоохранение приближается к 30 %, доля образования увеличивается. И все эти цифры я привожу, чтобы показать, что с конца XX века Америка вновь задумалась о личной ответственности на всех этапах жизненного пути. Среди последних инициатив президента Барака Обамы — укрепление среднего класса как системной экономической, социальной силы, которая, собственно, и должна вести Америку в светлое будущее. Но речь идет не о помощи. Сейчас на социальную помощь из бюджета идет всего 10 %, по американским меркам это не так много, но суть в том, что американское государство пытается проводить политику таким образом, чтобы каждому индивиду становилось выгодно делать выбор, который полезен государству и общему развитию.

Я поясню на простом примере. Речь идет не о том, как говорят японцы, чтобы поймать рыбку и накормить голодающих, а о том, чтобы дать удочку и научить ловить рыбу. А что это означает в современных условиях? Это означает, что образование, здравоохранение в Америке поставлено на экономические основы. То есть каждый человек не просто должен хотеть быть высокообразованным, это не хобби, не стремление достичь какого-то мифического общества, это должно быть жизненно необходимой экономической потребностью. Не будет образования определенного уровня — не будет профессиональной подготовки, а значит, не будет работы. Наша молодежь, естественно, связывает Америку со свободой рынка труда как движущей силой. Все замечательно, но чтобы войти в этот рынок, нужно удовлетворять его потребности. И 80 % совокупного американского дохода составляют не доходы от бизнеса, не дивиденды — это достоверные данные американского Госдепа, Министерства финансов, — а трудовые доходы и доходы пенсионеров, которые получены в результате трудовой деятельности и выплаты соответствующих взносов.

Так что Америка — это не только бизнес, но и огромная армия трудящихся, которым в нынешних условиях становится, естественно, все тяжелее, занятость становится все менее защищенной, и в целом большая ответственность переносится на самих граждан.

То есть на сегодняшний день после реформы 1996 года, когда закон обязал трудоспособных реципиентов трудиться, все построено следующим образом. Расходы на человеческие ресурсы в середине XX века всегда росли, их пик пришелся на кризисный год. Дело в том, что сейчас уровень и относительно ВВП, и относительно всех бюджетных расходов сохраняется. Почему? Потому что государство таким образом стимулирует граждан переходить на самообеспечение и реализовывать свой потенциал. Если семья из четырех человек имеет доход менее 24 тыс. долларов в год, то есть порядка 2 тыс. в месяц, значит, она получает дополнительно все пособия.

И надо отдать Америке должное: все, кто может работать, — работают, но если случается так, что человек становится инвалидом, то законы не нарушаются, и больные не подвергаются секвестрам, сокращению финансирования в течение 80 лет. Но если ты трудоспособен, то будь добр в течение пяти лет получить образовательную подготовку, поступить на курсы, сменить род деятельности. В это время твои дети считаются самыми малоодоходными и малоимущими слоями населения или, по-американски, беднотой, поэтому их устраивают в бесплатный детский сад. Следующий этап — школа. Школы находятся в ведении штатов и местных органов власти Соединенных Штатов. Есть школы государственные, есть частные, в общем, любые, но дело в том, что если по каким-то причинам семья, например, не отдает ребенка в школу, то это отслеживается, даже в отдаленный поселок за ним посылают автобус, и он идет в школу.

Теперь о высшем образовании. Здесь уже присутствует чисто экономический стимул. Есть разные схемы: сначала человек получает какие-то гранты, ссуды, пособия и потом выплачивает их; если он хорошо учится, то ему выплачивают стипендию. Сейчас стоит вопрос о том, чтобы дети из семей с низким достатком, которые поступили и успешно учатся, постоянно получали материальную поддержку. По поводу трудоспособных лиц понятно: растут затраты на профессиональную подготовку, обучение и т. д. Далее, когда люди поступают на работу, и даже немножко раньше — в период обучения, они задумываются о том, как будут содержать семью, на что строить дом. Это решается за счет трудового дохода, ипотеки, кредитов и т. д. В 20 лет они уже думают о том, какая будет пенсия. И что делает сейчас американское государство? Восемьдесят лет существует государственная распределительная система, которая, как говорят, ведет американский бюджет к краху.

Что же делают американцы с пенсионерами? Да, они сохраняют все гарантии, что уже есть, и прежде всего для низкодоходных групп населения. Но одновременно практически каждый год принимаются новые поправки о стимулировании так называемых индивидуальных накопительных счетов. В чем здесь фокус? В том, что стимулируются не просто накопительные счета, а накопительные счета с фиксированными взносами. То есть ответственность за соцобеспечение на пенсии переносится на самих пенсионеров. Удачно инвестируешь — прекрасно, может быть, будешь

миллионером на пенсии, неудачно — тогда государственная система пенсионного обеспечения даст тебе 1,3 тыс. долларов в месяц. По американским масштабам это немного, потому что очень высокая доля бюджета идет на расходы на жилье. США, как известно, страна эмигрантов: приехали, что-то здесь не получилось, что-то в бизнесе не сложилось — и не выходит заработанная пенсия 1 тыс. долларов. Это уже черта бедности. И тогда вступает в силу закон, который я бы назвала священным, — это закон о социальном обеспечении, устанавливающий гарантированный доход пенсионерам, инвалидам и слепым. Эти категории населения в принципе не могут иметь доходы меньше 1 тыс. долларов. Если меньше, то доходы идут из федеральных средств, а следующая ступень — из средств штатов, муниципалитеты добавляют им эту разницу.

В заключение отмечу, что у США очень многому можно поучиться. И хотя мы привыкли воспринимать Америку как страну только личных возможностей, бизнеса и тому подобного, но мне хотелось бы напомнить о том, что в американских успехах в формировании экономического и научно-технологического базиса важную, иногда критически важную, роль играет государство. И последнее. Я сказала, что выплаты по процентам и госдолг уже являются экономическим механизмом, ограничивающим финансирование других статей. Уже почти вдвое больше Америка из федерального бюджета тратит на налоги. Если посчитать: 130 млрд долларов налогов из бюджета при общем бюджете 3 трлн 800 млрд будет не больше, чем в России в процентном отношении. И что получается? Что государство является критически важным для формирования того потенциала, который в принципе нужен сейчас всем странам.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Сейчас слово предоставляется Георгию Борисовичу Клейнеру.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Дорогие коллеги, по моему мнению, мы находимся в довольно сложном положении. Руслан Семенович начал свое выступление с того, что определил состояние, которое он сейчас ощущает, как неопределенность. Это правильно, но мне кажется, что это относится не только к экономической политике и состоянию реальной экономики, но и к теоретическим основам экономики. В эту неопределенность мы попадали дважды: сначала — когда покинули лоно марксизма, потом — когда отошли от ортодоксальной, или неоклассической, или неолиберальной экономической теории. Эта неопределенность усиливается нашим неопределенным представлением об окружающем мире, о том, что мы с вами изучаем.

Приведу простой пример. Что такое экономика? Мы все учим студентов, что этимология этого понятия связана с управлением домашним хозяйством, ведением домашнего хозяйства. Но что такое экономика в научном смысле? Определение, которое дал Лайонел Роббинс в 1935 году (мы его тоже цитируем в своих лекциях), говорит о том, что предметом экономики является распределение ограниченных ресурсов по альтернативным целям. Но только в этом определении

речь идет об аддитивных ресурсах. Но если мы имеем дело с таким ресурсом, как знание, о котором сегодня тоже говорилось, то это не аддитивный ресурс, так как сумма знаний, имеющихся у разных людей, не является аддитивной. И здесь уже это определение не подходит.

Что же такое экономика и какие отношения следует считать экономическими? Здесь мы волей-неволей должны вспомнить и Маркса, и других исследователей и попытаться ответить на вопрос: являются ли экономическими, скажем, отношения между мною и аудиторией в тот момент, когда я произношу эти слова? Или это какие-то иные отношения? В общем, это сложный вопрос. Мы, конечно, не можем пройти мимо этого вопроса, но это тема отдельного исследования, отдельной дискуссии. Мне кажется, что это позволило бы более четко сформулировать, чем именно мы занимаемся, какова связь экономики и культуры в узком и широком смысле обоих определений. Вы знаете, что те, кто обогатил нас словом «экономика», примерно в то же время ввели и другое понятие — «хрематистика», которое сейчас не выделяется отдельно, тем не менее вопрос отделения бизнеса от экономики в узком смысле стоит очень остро. В общем, здесь широкая сфера для наших исследований и большая неопределенность.

Слушая выступления докладчиков пленарного заседания, я обращал внимание на различие понятий, которыми они пользуются. От докладчика к докладчику смысл таких понятий, как «нация», «национальные интересы» и тому подобные, менялся. В этих условиях спор и сопоставление позиций затруднено. Как мне кажется, одна из основных исследовательских задач, которая стоит в сфере общественных наук, в том числе и культуры, и культурологии, и экономики, — это уточнение и определение. Мы говорим с большим возмущением о разных аспектах, но сопоставить эти взгляды трудно, поскольку они относятся порой к разным предметам.

На мой взгляд, эволюция экономики западных стран и эволюция экономики России идут в противоположных направлениях, не во всех аспектах, но в одном, который мне представляется чрезвычайно важным. Когда мы в 1990-е годы переходили от социализма к сегодняшнему строю, мы провозгласили и реально проводили курс на коммерциализацию всего — науки, искусства, литературы, всего, чего угодно. Насколько это соответствует глобальным тенденциям западных стран, на которые мы ориентируемся и за которыми не можем не наблюдать? Мне кажется, что мы движемся в противоположном направлении. На Западе распространены такие явления, как отказ от крупных состояний, что сейчас часто наблюдается в Америке; аутсорсинг, когда люди отдают свои деньги на проекты, которые к ним, в общем, не имеют никакого отношения; волонтерство, когда люди жертвуют своим временем; защита природы, на которую тоже дают деньги, и т. д. Даже я бы сказал — политические моменты, которые часто нарушают коммерциализацию. В общем, надо относиться к этому явлению не как к исключению из коммерциализации, а как к расширяющемуся действию. Политкорректность, порой гипертрофированная политизация — все это находится за пределами коммерции

и очень существенно меняет не только наши представления, а ракурс нашего видения, что мы видим, а что не видим в западной экономике.

А мы продолжаем двигаться в сторону коммерциализации, и ученые, преподаватели знают это лучше других. Речь по-прежнему идет об отдаче науки в коммерческих показателях; о том, что образование — это услуги, которые оказываются студентам и должны быть оплачены услугополучателями; о коммерциализации медицины, искусства. Предложения, которые поступают от Министерства финансов РФ, касаются сокращения бюджетов театров, музеев и т. д. Мы идем своим путем, который начали и с которого по каким-то причинам сойти не можем или не хотим. К чему это все ведет? Мы наблюдаем проблемы оптимизации науки, так называемые сокращения, проблемы слияния вузов, мы видим, что творится с медициной, мы видим и такие более глубокие вещи, как сокращение горизонта планирования. Находясь, например, в коммерческой сфере, невозможно планировать что-то на долгий срок. И неслучайно стратегическое планирование, которое, в общем-то, пришло к нам с Запада, — это тоже элемент некоммерциализационной сферы.

Что такое миссия, какое она имеет коммерческое содержание? Никакого. Миссия — это качественное содержание, предназначение конкретной организации. Потом она может быть расформирована на коммерческие показатели, но изначально нет. У нас идет отказ от всего некоммерческого, а это приводит к сокращению горизонта планирования, появлению инноваций, которые трудно назвать достойными. Мой коллега профессор Варшавский эти инновации, которые хотелось бы назвать вредными, называет проблемными, когда, например, ради снижения стоимости в рецептуру пищевых товаров вносится то, что вообще не подлежит приему в качестве пищи. И у него много других примеров такого рода. Дальше, увлечение рейтингоманией — это то же самое одномерное восприятие действительности, попытка все свести к одной шкале, к одному показателю. Я думаю, что эти примеры каждый мог бы продолжить.

В заключение отмечу, что многие проблемы сегодня озвучены, но проблема декоммерциализации нашей экономики является одной из основных. Она сложна, охватывает всю толщу экономики, включая концептуализацию, систему показателей, политику, которая строится на этих показателях. То есть эта проблема действительно касается плоской или нелинейной шкалы налогов, частного случая, и это важный вопрос, но он касается одного уровня, одной сферы. А когда мы говорим о декоммерциализации, то охватываем и всю толщу экономической жизни, и науку, и политику, и реальное хозяйство. Проблема декоммерциализации стоит остро. Значит, можно сказать и представить себе, что нужно делать. И для меня особенно важно, что, на мой взгляд, одномерная теория монетаризма, все сводящая к деньгам, может быть заменена теми достижениями, которые сегодня предоставляет нам культурология. И типология культурных архетипов, и типология культурных влияний, и ценностные измерения — все это может стать основой новой экономической науки.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Следующий докладчик — Ирина Георгиевна Хангельдиева.

И. Г. ХАНГЕЛЬДИЕВА: — Прежде всего хотелось бы поблагодарить организаторов Лихачевских чтений. С именем Дмитрия Сергеевича Лихачева очень многое связано в нашей стране. Это фигура, которая никогда не померкнет в истории национальной культуры. Что касается факультета, который я представляю, то название может показаться парадоксальным — предпринимательство в культуре, но, я считаю, оно логичное, потому что заставляет думать прежде всего о том, что культура, попав в рыночные отношения, не должна оставаться «золушкой» и у нее должны быть свои инструменты для того, чтобы она не просто выживала, а действительно процветала. Сказать о том, что она процветает, мы не можем. Но ситуация, которая складывается на сегодняшний день под влиянием глобализационных процессов, как ни странно, в каких-то моментах дает нам надежду на то, что стакан наполовину полон, а не пуст. Есть позитивные моменты, которые чрезвычайно важны. На пленарном заседании академик Степин говорил о том, что надо уметь договариваться. А это проблема, и в условиях, когда чрезвычайно много субъектов участвуют в решении каких-то вопросов, надо действовать, как в известной песне: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке».

Абдусалам Гусейнов говорил о национальных и наднациональных интересах, что есть противоречия между ними и что наднациональное становится более активным на сегодняшний день. Так вот если говорить об искусстве, то оказывается, там нет такого острого противоречия, потому что, например, когда «Метрополитен-опера» ставит «Евгения Онегина» и собирает лучшие силы мира, начиная от режиссера и включая исполнителей, — это плюс русской культуре. Она начинает возвышаться в мире, получает дополнительный стимул к своему развитию. Александр Сергеевич Запесоцкий говорил о производстве смыслов (он не сказал такую фразу, но я для себя так интерпретировала), что ложные смыслы возникают тогда, когда производится некий смысл, который дорого стоит, а по сути ничего не значит. Но искусство в этом отношении отличается в положительную сторону, потому что всегда производит очень важные смыслы. Другое дело, что интерпретация их может быть разной. Например, мы можем принимать экспериментальную интерпретацию «Евгения Онегина», а можем не принимать, у режиссера, постановщика или дирижера могут быть одни представления, у нас — другие.

Хотелось бы еще сказать о том, что производство смыслов для искусства и культуры чрезвычайно важно. То, что говорил сегодня профессор Клейнер о глобальном, о взаимоотношениях глобального и локального, для искусства и культуры тоже имеет колоссальное значение. Например, проводятся два знаменитых театральных фестиваля — в Гамбурге и Вене, и участвующие в них театры могут объединиться для того, чтобы сделать только один проект. Глобализация — процесс всемирной экономической, политической, культурной интеграции. Но существует интеграция, с одной сторо-

ны, как взаимодействие, а с другой — как унификация. Всегда в культуре говорят: унификация — это плохо. Но есть какие-то моменты даже в театральной постановке, когда унификация — это хорошо, есть стандарт и есть логистика, и вы можете привезти свои декорации, сделать какие-то вещи, которые будут стоить значительно дешевле. Интеграция — процесс объединения, кооперация — это форма организации труда, унификация — приведение к единообразию.

Что заставило музыкальные театры мира идти в кооперацию, объединяться? Изменение структуры потребностей, избыток предложений досуговой сферы, рост конкуренции со стороны других сегментов исполнительского искусства, прежде всего массового искусства. Что касается проблем, то это не только финансы, но и нехватка креативных идей, и организационные трудности, которые тоже надо решать. Так вот благодаря кооперации музыкальные театры мира экономят от 40 до 70 % расходов на постановки новых спектаклей. Творческая продукция на сегодняшний день чрезвычайно актуальна. Почему? Потому что всем не хватает ресурсов, потому что 50 % репертуара должны меняться каждый год, а это значит, что от 4 до 6 спектаклей должны быть новыми, а стоит это в Европе 70 тыс. евро. И ни один оперный театр не может потянуть такие расходы, он просто умрет. Это болезнь издержек, которая была уже описана. Предпосылки творческого взаимодействия были всегда: это гастроли, приглашения, фестивали, мастер-классы и т. д.

Приведу один пример: вокальный спектакль «Зимний путь» на музыку Шуберта. В премьеру 2014 года участвовали: фестиваль Экс-ан-Прованс, Венская фестивальная неделя, Голландский фестиваль, Линкольн-центр, Опера города Лилля, Фестиваль развлечений и искусств, театры Люксембурга, Франции, Голландии, Австрии и др. И это для того, чтобы поставить только один вокально-музыкальный спектакль на 40 минут. Бестселлер «Риголетто», «Пиковая дама», которую недавно поставил Додин в Большом театре, — это все копродукция. Еще одна очень интересная, даже фантастическая вещь — это аренда спектаклей в музыкальных театрах. Я провела короткий опрос среди деятелей искусства, режиссеров, актеров, экономистов и тому подобных: «Знаете про аренду в музыкальных театрах? Знаете про артотеки — аренду живописи?». И очень многие ответили: «Нет, не знаем». Вот, например, десять театров объединились, поставили «Евгения Онегина», и они могут использовать его бесплатно, а третьим лицам они отдают спектакль в аренду и получают за это возмещение, то есть они через этот механизм могут зарабатывать.

Конечно, у нас есть проблемы. Мы интегрированы — и Большой, и Мариинский театры, и театр им. Станиславского и Немировича-Данченко, и другие театры интегрируются, но возникают правовые разногласия, очень трудно заключать договоры. В Европе менее трудно. Почему? Потому что это еврозона, где есть общие законодательство, налогообложение, организационные структуры. Что касается организационных мер, у нас все театры в основном репертуарные,

за редким исключением, а на Западе существует система стаджионе. Что это такое? Это когда много раз идет один и тот же спектакль, а все солисты приглашенные. Ну и, наконец, финансы. Их собрать на Западе легче, чем у нас. Каковы же перспективы? Я думаю, что они есть и, в общем-то, должны быть положительно оценены. Но самое интересное, что я вижу в этом: мы внутри страны можем применять принцип копродукции, что мы делаем крайне редко или вообще не делаем. И больше у нас получается копродукция с западным партнером, чем в России.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется Эдуарду Эдуардовичу Полетаеву.

Э. Э. ПОЛЕТАЕВ: — У меня есть информационный повод для этого выступления: 8 мая 2015 года в Евразийский экономический союз вступила Киргизская Республика, так что уже пять государств являются его членами, а это самое молодое интеграционное объединение в мире, имеющее огромный потенциал экономического развития. Во всяком случае по размеру территории и наличию огромного количества природных ресурсов это самое крупное объединение. При этом население составляет чуть более 180 млн человек. Понятное дело, что те центры мирового влияния, которые находятся в Америке и Европе, не сторонники такой диверсификации, они сторонники свободной торговли, благодаря которой, скажем так, перспектив развития у местных производителей не существует, потому что эти сторонники всегда экспортируют свои товары, услуги в глобальном масштабе. И те страны, которые идут на поводу у сторонников свободной торговли, естественно, могут экспортировать только рабочую силу.

Лидеры стран Евразийского экономического союза эту ситуацию понимают. Нам надо выходить из нее и уходить от сырьевого мышления, статуса сырьевых государств, надо развивать промышленное производство. И наше экономическое объединение должно этому способствовать. Прошло чуть более пяти месяцев с момента создания договора, а его подписание — процедура, требующая достаточно большой подготовки. Было проведено огромное количество встреч, предварительно подписано около 700 документов, то есть это не просто бумажка, которую сели и подписали несколько президентов, а были споры по многим пунктам, включенным в этот договор. Некоторые были изъяты. В частности, Казахстан, представителем которого я являюсь, акцентировал внимание на том, чтобы в Евразийском экономическом союзе переговоры носили исключительно экономический характер, и некоторые политические пункты договора благодаря настойчивости Казахстана были изъяты из проекта.

Я послушал некоторых докладчиков и услышал очень много пессимизма в их докладах, особенно у российских участников. Я сторонник все-таки позитивного образа мышления и надеюсь на перспективу, что все будет хорошо. Но на самом деле проблема в том, что в северных государствах, к которым относятся и Россия, и Казахстан (Астана — это самая

холодная столица в мире после Улан-Батора) с резко континентальным климатом, очень много пессимизма в общественной и политической жизни. Не случайно в рейтинге стран — лидеров по количеству самоубийств на 100 тыс. населения как раз доминируют северные государства. В России, насколько я помню, это Республика Карелия, иногда первые места занимают Финляндия и Литва, несмотря на то что в той же Финляндии уровень жизни достаточно высокий. Почему так происходит? Потому что мало солнца, а меньше солнца — больше депрессии. Под Хельсинки на одном из заводов по производству светодиодного оборудования несколько лет назад был изготовлен очень эффективный продукт — искусственное солнце, которое устанавливали на окна, чтобы в комнате был эффект не электрического, а солнечного света. И этот продукт в то время пользовался достаточно большой популярностью у покупателей.

Что мы видим к югу? Да, южные люди более счастливы, более плодовиты, им не надо думать о том, как одеться потеплее зимой, как обогреть свое жилище, соответственно они становятся менее конкурентоспособными, потому что в принципе на юге можно жить, как в Индии, скажем так, не заботясь ни о чем. Фрукты растут, тепло одеваться не обязательно и т. д. Но южные государства демонстрируют все-таки низкий уровень конкурентоспособности и в целом низкий уровень жизни. Есть, конечно, исключения. Скажем, в Черной Африке самые богатые области по уровню ВВП — это Габон и Экваториальная Африка. Но это исключение связано с тем, что там есть нефть, а, как мы знаем, для обслуживания большой нефтяной вышки много людей не нужно. В Экваториальной Африке живет менее миллиона населения, в Габоне — чуть более миллиона. А в целом такие государства, как, допустим, в Азии Бангладеш, Индия, и ряд стран Черного континента все-таки демонстрируют не очень хорошие перспективы развития.

Давно уже в международных отношениях есть такое понятие, как «страны-банкроты», например, к ним относятся Мозамбик, Центральнаяафриканская Республика. Это государства, которые могут продать только недвижимость или, возможно, полезные ископаемые, они просто-напросто не в состоянии рассчитаться со своими долгами. И поэтому развитые государства, международные организации периодически списывают долги, потому что понимают, что деньги эти страны не отдадут при всем желании. Поэтому нам, конечно же, нужно думать о том, чтобы развивать нашу экономику самостоятельно, не ориентируясь на иные центры влияния, и демонстрировать собственную, конкретную способность.

Какие еще проблемы я вижу? В мире сейчас сложилась серьезная ситуация негативного характера, на мой взгляд, связанная с тем, что государства фактически делятся на новых хозяев и новых рабов. В развитых странах исчезает рабочий класс, то есть фактически Запад производит только идею, а ее выполнение, осуществление происходит на заводах Юго-Восточной Азии, Китая. И в России примерно такая же ситуация. Большая проблема связана с тем, что разрушена система

профессионально-технического образования. Это характерно и для Казахстана, и для других стран СНГ, все хотят получить высшее образование, а столько специалистов нашим экономикам не нужно. Сейчас ситуация такова, что получение высшего образования — это акт социализации человека, путь во взрослую жизнь, хотя в советское время таким актом социализации для юношей была служба в армии, а для девушек — получение профессионально-технического образования в техникумах или училищах.

Куда девать столько специалистов и кто будет работать? Россия тоже постепенно превращается в страну господ. Это, вероятно, хорошо и престижно, потому что большую часть неквалифицированной работы делают гастарбайтеры из стран бывшего Советского Союза. Причем ситуация осложняется тем, что эти работники фактически являются генераторами экономик тех стран, откуда приехали. Если вдруг все они вернуться назад, там произойдет серьезная дестабилизация социальной ситуации, потому что, когда много молодых, здоровых людей остаются без работы, у них в головах начинают появляться революционные идеи. Значительную часть ВВП, а в некоторых странах до половины валового внутреннего продукта каждый год обеспечивают эти мигранты, которые получают деньги в России. Причем это достаточно существенные деньги на самом-то деле. То есть происходит деформация ситуации. Она заключается в том, что профессиональные сварщики, плотники, сантехники сейчас реально зарабатывают больше, чем специалисты с высшим образованием. И такая ситуация сильно деформирует понимание того, как нам надо развивать свои отечественные экономики.

Цель Евразийского экономического союза была взята из опыта Европейского Союза — это формирование условий для свободного передвижения капитала, услуг, товаров и рабочей силы, то есть так называемый принцип четырех свобод. При этом в истории интеграционных объединений трудно найти примеры успешного развития этих самых интеграционных проектов в условиях политической нестабильности. Во-первых, нет и не может быть универсального закона, по которому развивается интеграционное объединение; во-вторых, как только начинаются проблемы в экономике, каждая страна свои так называемые национальные интересы выставляет в приоритет, а о перспективах экономики забывает. Примеров тому много. После того как цена на нефть упала, в наших странах появилось очень много скептиков по поводу возможностей эффективного существования Евразийского экономического союза. Как только в еврозоне начались проблемы — сразу же появились разговоры о выходе из этой зоны то Греции, о которой мы сегодня много говорим, то ряда других государств.

Есть очень хороший пример, о котором мало кто знает, — это Восточноафриканское сообщество — объединение, по ряду принципов сильно напоминающее Евразийский экономический союз. Туда входят пять стран — Кения, Уганда, Бурунди, Руанда и Танзания. Оно уже в прошлом году подписало договор о единой валюте, о чем мы никак договориться не можем,

о свободном передвижении людей. Любой из граждан этих пяти стран может приехать в соседнюю страну без всякой регистрации, жить, работать там и т. д. То есть фактически это новый Советский Союз. И формировался этот союз в достаточно непростых условиях. В свое время между Угандой и Танзанией, например, была война, и союз не существовал определенный период времени. Но понимание пришло.

В заключение хочу сказать еще об одной важной, но противоречивой тенденции, которая существует в мире. С одной стороны, на политической карте мира появляется все больше государств. Если до Первой мировой войны их было менее ста, то сейчас их более двухсот. И, скажем так, есть перспектива, что Шотландия или Гренландия в ближайшее время станут независимыми. Возможна легализация и полное признание тех государств, которые считаются непризнанными, вроде Южной Осетии и Абхазии, или частично признанными. То есть желающие порулить всегда найдутся, и всегда появляются силы, которые хотят независимости, потому что в результате они получают власть, влияние и ресурсы. С другой стороны, растет тенденция появления интеграционных объединений, и сейчас их насчитывается до 400 в самом разном формате — начиная с торговых договоров и заканчивая такими объединениями, как Евразийский экономический союз, где предоставляются определенные преференции наднациональным структурам. И эта тенденция, на мой взгляд, будет сохраняться, потому что в условиях глобализации от нее никуда не уйти.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется Александру Ивановичу Лученку.

А. И. ЛУЧЕНОК: — Уважаемые коллеги, я из Белоруссии и хочу сказать, что Российская Федерация неоднократно предлагала Белоруссии войти в свой состав разными способами — можно областями, можно целиком. Если не хотите входить сами, тогда введите российские рубли на своей территории. Белорусы не соглашаются, и в первую очередь исходя из своих национальных экономических интересов. Ну и главный, конечно, интерес, что мы хотим иметь свой рубль, который будет использоваться для стимулирования своего экономического развития. Мы хотим иметь сбалансированное развитие, но проблема в том, что для того чтобы обеспечить стабильный экономический рост, мы часто поддерживаем свои предприятия дополнительными эмиссионными кредитами. Естественно, когда происходит эмиссионное кредитование экономики, тогда ускоряются темпы инфляции. В результате мы хотим, чтобы инфляция не росла, но в то же время хотим обеспечить экономический рост.

В разные периоды времени национальными интересами считается то, что надо обеспечить: или более высокие темпы экономического развития, или стабилизацию экономики при низких темпах инфляции. Сейчас у нас период резкого ужесточения денежно-кредитной политики, что привело к тому, что реальный сектор экономики оказался в сложнейшей ситуации, потому что, как я уже говорил, он нуждается в дополнитель-

ном кредитовании. И на практике выяснилось, что надо учитывать не только национальные экономические интересы, но и интересы различных производственных групп. И мы были вынуждены в своих исследованиях ввести такое понятие, как «социальные макрогруппы». Когда анализируешь, как принимается первый вариант бюджета, потом в ходе воздействия лоббистских групп, которые мы красиво называем макрогруппами, он меняется, то становится ясно, что влияние этих групп достаточно сильно. У нас долгий период времени серьезную роль играл председатель Национального банка, который в то же время был и заслуженным строителем Республики Беларусь. Это привело к тому, что строительный комплекс очень активно кредитовался под минимальные проценты. Когда инфляция была высокая, а кредитные ставки составляли 100 и более процентов, то населению выдавали льготные кредиты под 3–4 %. Банки, естественно, не могли давать кредиты под такие проценты и разницу получали из бюджета. То есть четко проявилось влияние социальной макрогруппы «Строительный комплекс».

Но такое положение, конечно, долго продолжаться не могло, и с этим надо было как-то бороться и противодействовать. Как вы понимаете, есть официальные и неформальные нормы институциональной методологии. Возникла необходимость это как-то регулировать, то есть юридически, законодательно мы находились на уровне лучших мировых образцов, все правильно, но часто проблемы решались в рамках договоренностей между сторонами. И приходилось быть свидетелем, когда представители различных социальных макрогрупп между собой пытались договориться: здесь я уступлю, а ты по другой статье уступи при формировании бюджета. И у нас возникло такое предложение, что в создавшихся условиях всем надо договариваться.

Мы сегодня прослушали очень интересное выступление по поводу экономики знаний, что это очень хорошо, просто замечательно. Мы тоже за экономику знаний, за инновационное развитие, а денег на науку постоянно не хватает. Когда руководителем Академии наук Белоруссии был Михаил Владимирович Мясникович, который потом стал премьер-министром, нам было проще. Он влиятельный человек, умел «пробивать». Теперь, в других условиях, ситуация немного ухудшилась. Поэтому если мы будем говорить об экономике знаний, то в этом должны быть заинтересованы все. А в создавшихся условиях кто будет заинтересован в экономике знаний, когда проще добывать полезные ископаемые? Не случайно в свое время инновационное развитие получила Япония, которая ничего не могла продавать. Но в наших условиях все-таки необходимо больше внимания уделять науке и стимулировать ее развитие. Поэтому предлагается создать координирующую комиссию, в которую входили бы представители различных групп, чтобы они неформально или формально договаривались. Сейчас очень актуальны так называемые медиативные процедуры, когда люди реально договариваются с участием грамотных медиаторов. Конечно, подобное надо попытаться создать и в нашей стране.

В заключение хотелось бы остановиться еще на одном моменте. Руслан Семенович Гринберг сказал, что директивное планирование — это миф, но только не в Белоруссии. У нас жесткое директивное планирование. Но возникла проблема: эти показатели регулярно не выполняются, и уже появились идеи, даже проект закона о переходе на индикативное планирование. Я говорил с руководителями высокого уровня, как это будет работать. И мне объяснили: будем доводить индикативные показатели и строго спрашивать за их выполнение. Поэтому я объясняю, что нужно сделать, какие меры принять, что людей надо переучивать, бороться с неформальными установками. А чиновникам лучше, когда директивное планирование, — они доводят показатели и знают, что надо требовать за их выполнение. А отбери у них власть, финансовые ресурсы — как они будут управлять, сами не знают. В общем, им сильно не нравится идея индикативного планирования, поэтому у нас сохраняется директивное планирование. Наши национальные интересы тесно связаны с интересами социальных макрогрупп. И если мы хотим дальше развивать интеграцию с Российской Федерацией, то обязательно надо учитывать их интересы и обеспечивать согласование с ними.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Сейчас выступает Елена Сергеевна Садовая.

Е. С. САДОВАЯ: — Перечислю некоторые волнующие меня проблемы, опираясь на то, о чем мы говорили на пленарном заседании и уже сегодня на секции.

Экономика действительно не есть нечто самодевятое. Она интересует нас лишь в той мере, в какой улучшает нашу жизнь, делает ее более комфортной и качественной. Социальным последствиям экономического развития у нас традиционно уделялось мало внимания — и в советские времена, и в нелиберальных концепциях. Почему так происходило? Отчасти в силу объективных причин, потому что в индустриальную эпоху экономический рост автоматически приводил к улучшению и социальной ситуации, так что можно было на этих моментах специально не останавливаться. Сейчас мы переживаем такой момент (об этом образно сказал Руслан Семенович), когда привычная социальная ткань на наших глазах рвется и рассыпается. Неизвестность пугает — что дальше? Глобализация много дала в плане экономического и социального прогресса, углубив разделение труда, способствуя технологическим инновациям, позволила нам жить более комфортно. В социальной сфере достижения неоспоримы.

Однако в 1990-е годы была опубликована статья Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории». Он писал, что мировое сообщество вышло на столбовую дорогу истории, закончился период страшных войн и бедствий. Некоторые страны вырвались вперед, за ними следуют остальные. Скоро все мы будем процветать при капитализме с человеческим лицом или в социальном государстве. Действительно, развитие технологий позволило человеку освободиться от тяжелого физического труда, дало возможность развивать свои творческие

способности. Мы говорим об экономике знаний, подразумевая, что все больше людей занимаются творческим трудом. Но вдруг выяснилось, что экономика знаний — это бесчеловечная экономика в прямом смысле слова. То есть каждый следующий процент экономического роста достигается все меньшим приростом занятости, более того — затем следует обвальное снижение занятости. К тому, что промышленность стала безлюдной, мы уже привыкли. Недавно я прочитала интересное интервью с генеральным директором завода «Фольксваген». Он прямо сказал, что почасовая оплата роботов для него гораздо выгоднее, чем почасовая оплата труда людей, даже гастарбайтеров. Поэтому он будет эксплуатировать роботов, которые станут производить продукцию. Сегодня, к сожалению, речь идет уже о переводе на безлюдные технологии наиболее трудоемких секторов экономики: торговли, транспорта. Мы все знакомы с современными технологическими достижениями, они получают все более широкое распространение, потому что когда технология изобретена, ее надо тиражировать, чтобы окупить затраты. Вот они и распространяются по странам и континентам со скоростью эпидемии.

Конечно, труд человека облегчается. Но давайте посмотрим на статистику занятости в развитых странах. Принципиально новое явление — молодежная занятость. Частичная занятость, аутсорсинг, временная занятость — это уже вчерашний день. Сейчас появился новый тип трудовых отношений — так называемая проектная занятость: на короткое время создается коллектив для запуска или реализации какого-то проекта, после этого он распускается. Следующий проект может быть реализован на другом континенте другим составом работников. Какие последствия, прежде всего социальные, несет человечеству такая безлюдная экономика? Социальная политика индустриального общества базируется на трудовой сфере, поэтому, как только исчезает занятость, социальная политика государства полностью реформируется.

Британский экономист Гай Стэндинг проанализировал социальную структуру общества, которое сейчас формируется. Главное ее отличие от структуры индустриального общества в том, что утрачивается эгалитарность. Если общество индустриальной эпохи было эгалитарным, то сейчас богатство концентрируется в руках небольшой части населения, а остальные, основная масса — так называемый прекариат, новый класс с низкой зарплатой, неустойчивой занятостью и всеми проблемами, которые с этим связаны. Такие социальные изменения влекут за собой следующие изменения — политические. Политика в прежнем виде постепенно исчезает. Я во многом согласна с тем, что сказал Руслан Семенович, прежде всего с его призывом к молодежи интересоваться тем, что происходит, вникать во все новое, чтобы правильно оценить последствия и сделать правильный выбор. Однако хочу добавить: демократические институты, к которым мы привыкли, — это атрибут индустриальной эпохи. Политикой интересуется в основном средний класс, который исчезает на наших глазах — и в развитых странах, и в развивающихся. Выбор между Бушем Третьим

и мадам Клинтон — является ли это сменой элит в традиционном смысле? А возьмите программы европейских партий — вряд ли по их содержанию вы отличите лейбористов от консерваторов или социалистов от «Национального фронта» Марин Ле Пен. К тому же давно исчезла необходимость выполнять предвыборные обещания. Даже новый термин появился — «технократическое правительство», что тоже не имеет отношения к традиционной смене власти.

То есть с безлюдной экономикой связаны определенные институциональные проблемы. Старые институты не соответствуют новой реальности. Это очевидно и на уровне международных организаций. Посмотрите хотя бы конвенции МОТ — все они регулируют трудовые отношения индустриальной эпохи. Две-три конвенции ориентированы на постиндустриальный труд, но и они не выполняются.

Мы много говорим о важности образования. Но для постиндустриальной реальности массовое образование индустриальной эпохи, в общем, не нужно. Оно исполняет роль института, призванного обеспечивать какую-то осмысленную деятельность молодежи, которая все меньше требуется на рынке труда. Поэтому растет продолжительность образования и падает его качество.

Расслоение по доходам ведет к снижению спроса, что вынуждает снижать издержки. В результате раскручивается спираль: гонка за лидером к нижнему пределу социальной гарантии.

Наконец, экзистенциальная проблема, требующая безотлагательного и тщательного осмысления. Технологии позволяют нам существовать вне рамок труда. Можно сказать, что трудовое общество в традиционном смысле может прекратить свое существование, но чем тогда будет заниматься человек? Мы уже сталкиваемся с ростом экстремизма, стремлением западной и российской молодежи вступать в организации, подобные ИГИЛ. Что это, если не попытка придания осмысленности своей жизни, приводящая к таким страшным последствиям?

Завершу словами Фомы Аквинского: истина — это адекватность интеллекта предмету. Пока у нас не очень много адекватности в оценке того общества, которое идет на смену нынешнему. Но я надеюсь, что такие коллективные мозговые штурмы позволят нам шаг за шагом приблизиться к осмыслению сложных проблем, которые стоят перед нами.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Сейчас слово предоставляется Григорию Юрьевичу Канаршу.

Г. Ю. КАНАРШ: — Я вернусь к тому, о чем сказал профессор Запесоцкий, — связи экономики и культуры. Национальные интересы сегодня реализуются прежде всего в рамках национальных моделей развития, по крайней мере в странах БРИКС. Валентина Гавриловна Федотова, известная социальный философ, предложила концепцию третьего модерна, или Нового времени для незападных стран, имея в виду подъем стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Это социально-экономическое развитие на основе собственной идентичности, культурных тради-

ций. Но в этом контексте по-прежнему проблематичным остается положение России. В то время как, например, Китай нашел свой путь, о России мы этого сказать не можем. В настоящее время идет некий поиск собственной национальной модели развития.

Ключевым параметром социально-экономического развития является трудовая деятельность. В наиболее процветающих регионах мира — на Западе, в странах Восточной и Юго-Восточной Азии — роль труда чрезвычайно велика. На Западе это обусловлено протестантской этикой, в Азии — прежде всего установками и ценностями конфуцианства. Сегодня экономисты обращают внимание на то, что производительность труда в России чрезвычайно низкая, в десятки раз отстает от таковой в Соединенных Штатах Америки. Но, на мой взгляд, эта проблема рассматривается в узком исследовательском контексте, в частности в связи с технологическими процессами, и предлагаемые решения не вполне адекватны. В частности, предлагается больше общаться с западными специалистами и менять собственную культуру — такой проект рекультуризации.

Но доминирующей в нашей экономической и вообще в социально-гуманитарной мысли остается концепция догоняющего характера модернизации. Запад, прежде всего США, служит образцом развития, в то время как Россия является примером социального «недоразвития». Можно привести целый ряд фундаментальных исследований экономистов, историков, социологов, которые развивают такой подход и предлагают нам меняться в соответствии с западными парадигмами. Такой подход в целом представляется неадекватным. В нашем секторе разрабатывается концепция национальной модели модернизации. Есть и иные концепции, например концепция Русского мира. Профессор МГУ Анна Валентиновна Павловская подробно рассмотрела многие вопросы, в том числе экономики и предпринимательства в России, в русле этой концепции и попыталась показать, что и труд, и предпринимательство — все это было свойственно и России, и Русскому миру. Мы имеем собственные образцы, которые сегодня можем в какой-то степени задействовать. Если говорить о современности, то представляются интересными выводы ученых из Института социологии РАН, сделанные на основе исследований по методикам голландского ученого Г. Хофстеда. В частности, они построили ментальную карту мира и показали, как изменился менталитет россиян за последние 10–15 лет. Интересно, что на этой карте Россия сегодня ближе всего находится к Израилю. Для нас, как и для Израиля, свойственна многоукладность — в культуре, экономике, социальной сфере. Нас характеризует также наличие мощного традиционалистского пласта в истории культуры и сильная традиция левого движения.

Сегодня для России предлагаются различные социально-философские модели. Первая модель — капиталистический мейнстрим (здесь я могу сослаться на исследования Владимира Колпакова и Валентины Федотовой «Экономика и демократия в проектах модернизации России»). Речь идет о построении экономики производящих индустрий, которые должны при-

ти на смену традиционной индустриальной экономике. Вторая модель — социал-демократическая, представленная в работах Руслана Семеновича Гринберга и его коллег. Предусматривается реиндустриализация с опорой на то положительное, что было сделано в советское время, но все это должно быть скорректировано с учетом демократии, прав и свобод человека, построения гражданского общества. Третья модель — консервативная, ее разрабатывают ученые Центра динамического консерватизма, который возглавляет Виталий Аверьянов. Новый коллективный труд Центра — «Артель и артельный человек», в нем предлагается идея развития, основанного на солидарности общества традиционного типа.

Все эти модели обладают разными возможностями практического воплощения, но, на мой взгляд, реализация какой-то одной из них невозможна. Скорее речь должна идти о взаимодействии и взаимодополняемости разных моделей. В частности, профессор Федотова говорит о том, что сегодня в России не удастся построить социал-демократию, поскольку в условиях глобализации капитал утекает отсюда, где его инвестировать невыгодно. Но на вопрос о том, почему капитал не утекает, например, из Швеции, она отвечает, что там высокая степень общественной солидарности. Почему не утекает из Китая? Потому что там диктатура. То есть получается, что это некое теоретическое положение, которое на практике не всегда находит подтверждение. Поэтому мне ближе позиция Руслана Семеновича, который говорит, в частности, о насущной необходимости введения элементов социал-демократической политики, прогрессивной шкалы налогообложения. При определенных условиях в России элементы социал-демократии могут работать.

И последнее, о чем я хотел бы сказать, — в проектах модернизации России необходимо учитывать национальные психологические особенности. Опять же сошлюсь на исследования социологов, причем из разных исследовательских центров, которые говорят о том, что российское общество по-прежнему остается чувствительным к проблеме социальной справедливости. Более того, эта проблема особенно сильно актуализировалась на современном этапе развития российского общества. Представляется, что экономическое развитие, продуктивный и эффективный труд в России возможны только при условии постепенного решения многоаспектной проблемы социальной справедливости.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Владимир Васильевич Зябриков, пожалуйста.

В. В. ЗЯБРИКОВ: — Надеюсь, что мои тезисы будут иметь практическое значение, помогут нам ориентироваться в новых условиях и понять, как организовать антикризисный менеджмент.

Экономический рост в России прекратился, число зарегистрированных организаций перестало расти. В последние годы стало больше только малых предприятий. Количество коммерческих организаций стабилизировалось. Тревожные данные были получены

еще по итогам 2012 года, а то, что произошло в последний год, закономерно следовало из статистических показателей предыдущих лет.

Структура коммерческих организаций становится примитивнее, примерно 95 % юридических лиц — общества с ограниченной ответственностью, фактически отсутствуют товарищества.

Количество занятых в российской экономике — 69 млн человек. Но если подсчитать среднесписочную численность работников, то наберется не более 45 млн. Это свидетельствует о частичной либо «серой» занятости, когда человек «пристраивает» трудовую книжку и рассчитывает на получение пенсии, но фактически легальную зарплату не получает. Этот зазор не позволяет сбалансировать бюджет Пенсионного фонда. Такая экономика получила название двухсекторной. Внешний сегмент российской экономики, который, как правило, связан с экспортом и импортом, процветает, внутренняя экономика деградирует.

Многое в экономике зависит от культуры. Как это работает? В основе любого бизнеса лежит бизнес-идея. Это, так сказать, «дородовый» этап, очень важный. Хотите сделать успешный бизнес — начните с мечты. Дальше, в стадии «детства», мы должны стать целеустремленными и добиваться краткосрочной эффективности. На этапе «юности» для бизнеса прописаны бюрократическая и административная гармония, ведущая фигура — администратор. Наконец, в стадии зрелости нужны новые предпринимательские идеи для обновления бизнеса. Эти четыре архетипа власти одновременно являются архетипами культуры. Пятого типа не существует.

Российская деловая культура не имеет общих черт с американской, в этом плане мы ближе к Востоку — Китаю, Южной Корее. Давайте определим те фигуры, которые делают бизнес на микроуровне, в конкретной фирме. Среди них мы выделим профессионала, лидера, бюрократа и предпринимателя. Новая информация заключается в том, что бюрократ и профессионал — антагонистические роли, которые невозможно совмещать. Если мы хотим перейти к инновационной экономике, к экономике знаний, то нам необходима программа дебюрократизации. Интересно, что и роли лидера и предпринимателя тоже несовместимы. Предприниматель, передавая власть лидеру в лице генерального директора, не должен вмешиваться в его работу, иначе неизбежны конфликты — «два медведя в одной берлоге не уживаются».

На каждой стадии жизненного цикла предприятия ни в коем случае нельзя допускать антагонизма: бюрократия противостоит автократии, а культура лидера — предпринимательской культуре. Экономика должна восприниматься как область между социокультурной сферой и технологией. Появляется какая-то технология, которая объединяет людей, готовых ее поддерживать. Таким образом, каждой роли бизнесмена соответствует определенная стадия жизненного цикла фирмы, каждая сама по себе крайне важна. А в кризисный период важнейшую роль должны сыграть профессионалы.

Д. А. НЕКИПЕЛОВ: — Булат Клычбаевич Султанов, Вам слово.

Б. К. СУЛТАНОВ: — Уважаемые коллеги, вчера на меня произвело сильное впечатление выступление академика Степина. В связи с этим я хотел бы поделиться мыслями об осуществлении евразийского экономического проекта, отталкиваясь от двух его тезисов. Первый тезис: человечество может быть смертно, и с этим надо соизмерять экономику и политику. Второй: духовной революции предшествует политический кризис. А что же делать с экономическими теориями? Казнить нельзя помиловать?

Евразийский экономический проект можно обозначить четырьмя точками на линии: Берлин–Москва–Астана–Пекин. Мы говорим о переходе от однополярного мира к многополярному. Посол Китая в Бельгии Цюй Синь сказал, что время однополярного мира, которым США не сумели воспользоваться, ушло в прошлое, и сейчас мы являемся свидетелями многополярного геостратегического мироустройства, о котором никто не решается говорить. Так вот одной из попыток перехода к многополярному миру является Евразийский экономический союз. Хиллари Клинтон, работая в должности Госсекретаря, ополчилась против этого проекта, потому что сразу почувствовала, куда ветер дует. В связи с этим я хотел бы остановиться на следующем. Когда мы видим попытки США противостоять этому, то прекрасно понимаем, что Европа может потерять Россию, а экономика России и Европы являются взаимодополняющими. Поэтому сейчас Россия и Китай фактически подталкиваются к созданию торгово-экономического блока, который будет иметь тенденцию преобразования в военно-политический. В таком случае не исключен сценарий глобального блокового противостояния со всеми вытекающими последствиями. Наверное, госпожа Меркель это поняла и поэтому поставила вопрос о начале диалога. Это подтвердил и ее визит в Москву 10 мая, когда она сказала, что экономические пространства России и ЕС должны поэтапно сближаться друг с другом. «И я думаю, — сказала она, — в глобализованном мире у нас очень хорошие причины для того, чтобы работать над этим проектом».

Когда я в феврале направлял сюда доклад, то написал следующую фразу: «В Китае отношение к Таможенному союзу и ЕАЭС в последнее время изменилось в лучшую сторону, там изучается возможность совмещения проекта экономического коридора Великого Шелкового пути с ЕАЭС». Как вы знаете, 8 мая по итогам китайско-российских переговоров в Москве Путин заявил: «Считаю, что проекты евразийской интеграции и экономического пояса Шелкового пути могут гармонично дополнять друг друга. По сути, речь идет о выходе в перспективе на новый уровень партнерства, подразумевающим единое экономическое пространство на всем евразийском континенте». Поэтому когда мы прорабатываем вопрос о линии от Берлина через Москву и Астану до Пекина, надо понимать, что этот проект имеет как большое практическое, так и глобальное значение. Попытка подтолкнуть Россию в объятия Китая до конца не просчитывается, а в ней есть как плюсы, так и минусы.

В Казахстане оппозиция постоянно упрекает правительство в том, что оно недостаточно жестко защища-

ет интересы казахстанской экономики. Экспорт падает, некоторые товары мы не можем поставлять на российский рынок. Так что проблемы пока существуют.

Я считаю, что наша работа по формированию и развитию Евразийского экономического союза должна осуществляться постепенно, без излишней поспешности, с учетом и критическим осмыслением опыта становления и проблем Европейского Союза. Нецелесообразно ускорять процессы выработки единой политики в валютно-финансовой сфере — по причине разной структуры и уровней развития экономики России, Казахстана и Белоруссии. Не надо ставить телегу впереди лошади. Экономическая целесообразность не должна приноситься в жертву политическим предпочтениям, а сама система евразийской экономической интеграции должна быть привлекательной, и не только на постсоветском пространстве.

И последнее. Политика не должна осуществлять насилие над экономикой. Европейский Союз разросся до неприемлемых размеров из-за геополитических амбиций своих лидеров. Руслан Семенович сказал, что вернулась геополитика в самом отвратительном виде. Учитывая это, мы не должны допустить подобных процессов в рамках Евразийского экономического союза. не следует принимать в Союз Киргизию, а тем более Таджикистан, которые конфликтуют с Узбекистаном. Но политике, как обычно, неинтересны экономические законы, и теперь мы будем решать все те же проблемы в рамках Евразийского экономического союза в условиях насилия политики над экономикой.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется Евгению Федоровичу Чеберко.

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Уважаемые коллеги, выступления на дискуссионные темы, обсуждаемые на Лихачевских чтениях, как правило, носят алармистский характер. Но в нашей секции больше оптимистов. Почему? На пленарном заседании в основном выступали академики, которые занимаются глобальными проблемами, задают вопросы, но не отвечают на них. Я столкнулся с этим еще в начале 1990-х. Тогда академик Панченко сказал, что, по его мнению, капитализм несовместим с российским менталитетом и традициями православия. Меня заинтересовала эта мысль. Я ждал, что он продолжит: то ли не видать нам капитализма, то ли пора переходить в протестантство. на самом деле он оказался прав. То, что сложилось в России, имеет мало общего с цивилизованным капитализмом.

Несколько слов по поводу марксизма. Это, конечно, великое учение, и оно заслуживает нашего внимания. Но тут стоит вспомнить замечательную историю с письмом террористки Веры Засулич Карлу Марксу. Она решила на время прекратить свою основную деятельность и стала правой рукой создателя первого марксистского объединения в России Г. В. Плеханова. И, как я понимаю, под его диктовку написала Марксу письмо с просьбой дать практические рекомендации. Маркс ответил ей, причем отнесся к этому очень серьезно, поскольку были найдены многочисленные

черновики его ответного послания. Если кратко, то содержание этого письма сводилось примерно к следующему: «Уважаемые российские коллеги, не валяйте дурака. То, что написано мной в “Капитале”, — не для России».

Сейчас не девятнадцатый век и даже не двадцатый, но при копировании тех или иных идей по-прежнему требуется осторожность. Марксизм — это мощная теория, мир возвращается к ней на новой основе, конечно, многое изменяя. Но Россия уже пережила марксистский этап, и возврат к нему маловероятен. Поэтому надо искать новые позитивные направления выхода из нынешнего кризиса, охватившего и экономику, и общество в целом.

В Лихачевских чтениях участвуют представители многих общественных наук, политические деятели, специалисты-практики. Это создает условия для появления новых течений. В частности, я бы отметил как позитивное направление то, что выдвигает академик Клейнер: культурологическая экономика. В своей теории Клейнер опирается на труды наших выдающихся ученых — академиков Степина и Запесоцкого.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Сейчас выступит Григорий Феликсович Фейгин.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Думаю, что в проблеме, которую мы обсуждаем, — национальные интересы в контексте глобальных вызовов — главное то, что в современном мире, с одной стороны, стираются границы, взаимно переплетаются национальные экономики, с другой — глобализация не уничтожает расслоение, не решает проблему богатства и бедности. Поэтому национальные интересы еще долго будут оставаться в повестке дня.

На мой взгляд, мы недостаточно внимания уделили такой проблеме, как глобальные вызовы. Слово «вызов» в данном контексте означает «испытание». Так вот, сегодня основное испытание заключается в том, что глобализация цементируется рыночной конкуренцией, то есть, по сути, хорошие шансы получают те, кто в состоянии выигрывать в соревновании. Тот, кто менее конкурентоспособен, постоянно сталкивается с проблемами.

Что касается России, то здесь важна культурная оценка. Россия на протяжении длительного времени стремилась продемонстрировать миру модель, как она полагала, совершенного развития. А когда в конце 1980-х годов резко отказалась от этой модели, было трудно быстро найти другую. Сложности того периода мы испытываем до сих пор, поэтому, видимо, все-таки надо эту модель использовать.

Д. ГЭЛБРЕЙТ: — Короткий комментарий ко всей дискуссии. То, что сегодня актуально и необходимо, — сконцентрировать внимание на структуре и конкретных проблемах российской экономики, с которыми она сталкивается каждый день. И, конечно, требуется стратегия, без которой невозможно кардинальное решение этих проблем. Мы с профессором Бауэром имеем различные точки зрения на то, какой должна быть

стратегия. Думаю, что стратегия полной перерегуляции не может быть эффективной.

Р. С. ГРИНБЕРГ: — Сегодня состоялась неявная полемика: профессор Бауэр утверждал, что свобода имеет больше преимуществ, чем недостатков, а коллега Фейгин сказал, что в глобальном мире выигрывают тяжеловесы. Это как если бы 50-килограммовый боксер встретился на ринге со 100-килограммовым — понятно, у кого шансов больше. Здесь кроется серьезная проблема, и, наверное, надо искать какой-то баланс. Если вы хотите догнать другие страны, стать конкурентоспособными, то вам придется времен-

но «закрыться», чтобы развить какую-то отрасль до уровня конкурентоспособности в мировом масштабе. Думаю, этот вопрос не имеет однозначного, черно-белого ответа.

А. Д. НЕКИШЕЛОВ: — Большое спасибо, уважаемые коллеги. Я признателен всем, кто принял участие в дискуссии. У нас состоялось интересное обсуждение, было затронуто большое количество тем. Естественно, целый ряд важнейших вопросов не был рассмотрен. В частности, меня немного удивило, что мы почти не говорили о финансовых проблемах. Придется учесть это в будущем. Всего вам доброго!